18+

Пока мы не проснулись

Ксения Аносова

Ксения Аносова

Пока мы не проснулись

«Издательские решения»

Аносова К.

Пока мы не проснулись / К. Аносова — «Издательские решения»,

После катастрофы мир изменился. За линией границы скрывается «Океан» — единственное место, где ещё можно выжить. Для младшеклассницы Калины это шанс узнать, кто она и почему её преследуют вооружённые люди.Но в лагере всё кажется странным: люди повторяют одни и те же фразы, дни бесконечно повторяются, а дети исчезают с фотографий. Между реальностью и сном Калине предстоит раскрыть тайну катастрофы, «Океана» и собственного прошлого.

© Аносова К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Пока мы не проснулись

Ксения Аносова

© Ксения Аносова, 2026

ISBN 978-5-0071-6642-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Почему-то в голове больше не осталось воспоминаний. За мысли было сложно уцепиться — они плыли где-то в сознании, как прекрасные белые лебеди, расправляющие крылья.

Как её звали? Почему она здесь? Вопросы то и дело мелькали перед глазами, но думать было тяжело. Голова превратилась в огромный булыжник, об который любая мысль ударялась и тут же растворялась в зыбучем песке.

Песке? Откуда вообще появилось это сравнение? Всё казалось таким странным, неестественным — словно отрывки из сна, которые так усердно пытаешься вспомнить после пробуждения.

Перед глазами было поле. Тёмное, бескрайнее поле. На небе то появлялись, то гасли звёзды. Похоже, пролетела комета. Или это тоже просто показалось?

Листья мирно шуршали от лёгкого свежего ветерка. Колосья, так аккуратно и бережно высаженные агрономами, были готовы дать свои семена. Может быть, кто-то сможет сделать из них муку, испечь хлеб, накормить маленьких голодных детишек. Это было бы прекрасно.

Как жаль, что ночью цветы закрываются и прячут свой чудесный аромат. Как бы хотелось вдохнуть этот сладкий запах и никогда не возвращаться домой.

Сова. Где-то на дереве она сидит и «ухает». Это так мило. Всегда хотелось увидеть сову вживую. Правда ли она умеет так крутить голову, как показывают в книжках? Может, это всё сказки взрослых? А может, это даже и не сова?

Перед глазами появлялось всё больше звёзд. Они почему-то были разных цветов, словно кто-то разлил на бумаге краски, оставив разноцветные пятна на белоснежной поверхности. Она видела в них маленького красного зайчика, что бежит от жёлтого волка; розовую медузу, поднимающуюся с глубин океана; синее солнце, которое, наверное, светит в Антарктиде — ведь там так холодно… В какой-то момент они все потеряли свои краски, стали холодными, пугающими. Вот-вот упадут с неба, и тогда мир погрузится во мрак.

Сон куда-то пропал. Она взглянула на свои маленькие руки в большом и широком медицинском халате. Он был такой белый и мягкий, словно сделанный из ваты, но при этом отчего-то пугающий. Она не любила врачей и боялась даже просто заходить к ним в кабинет или видеть где-то на улице. Они делали больно. Очень больно. Но мама всегда говорила, что так нужно, что они добрые и обязательно помогут. Правда ли они помогали?

Рукава медленно окрасились в бордовый. Руки задрожали. По телу пробежал холодок. Больно.

— Ничего хорошего не стоит ждать от этого халата, — девочка фыркнула и бросила его на землю.

Сзади послышались крики. Вдруг стало очень страшно. Тёплая ночь больше не казалась дружелюбной. Луна стала тусклой и еле-еле светила с небосвода. Дыхание участилось. Ноги уже не могли стоять на месте — хотелось побежать куда-то вперёд, спрятаться и ждать маму, которая всегда приходила на помощь. Которая всегда могла защитить.

Голоса медленно приближались, становились чётче — теперь можно было различить даже отдельные слова.

— Она… Здесь… Тревога… Запретная… Тревога…

Появились странные жёлтые огоньки. Они шагали из стороны в сторону, словно солнечный лучик спустился на землю и хотел посмотреть, что там скрывается среди высоких колосьев.

Девочка испугалась и побежала в неизвестном направлении. Камешки больно резали ступни — почему-то она бежала босиком. Перед глазами всё плыло, наверное, от слёз, что быстрыми ручейками текли из глаз.

Впереди показалась железная дорога — длинные рельсы и деревянные шпалы. Интересно, появится ли поезд? Так здорово забираться на верхнюю полку и свысока смотреть на проходящих мимо людей, а за окном мелькают деревья. А какая радость наступала, когда появлялась возможность увидеть лошадей или коров, пасущихся на лугу!

«Нужно пересечь пути», — неожиданно пронеслось в голове, заставив девочку остановиться.

«Зачем мне туда?»

Она стояла в ступоре, пытаясь понять, откуда появилось это воспоминание. Казалось, она уже видела эту дорогу, словно за ней было что-то очень важное. Но что?

Позади послышались выстрелы. Девочка вздрогнула. Наверное, там просто её ждала мама — значит, всё же нужно перебраться на ту сторону.

— Она где-то здесь! — кричал какой-то мужчина, светя карманным фонариком.

Маленький бледный лучик бегал из стороны в сторону, освещая траву под ногами.

Малышка решила, что взрослые дяди просто играют в войнушку, как это делали её старшие друзья со школы. Они часто собирались на заднем дворе и кидали друг в друга камешки, громко смеясь и ругаясь. Мама не разрешала дружить с этими ребятами — говорила, что они злые и могут научить чему-то плохому. Но иногда девочка тихо прокрадывалась на футбольное поле и с любопытством смотрела, как мальчишки, все в грязи и песке, играли в какие-то взрослые игры, правила которых она так и не смогла понять.

Однажды один из мальчиков, вроде бы его звали Володя, увидел её и сказал: если ты когда-нибудь заметишь, что дяди дерутся по-настоящему, нужно немедленно бежать и звать на помощь.

Так она и сделала.

В ушах звенело. Звуки выстрелов пугали и оглушали, сбивали с пути, теряли ориентир, в глазах всё мелькало. Она собиралась добраться до железной дороги и убежать в лес — туда, где, скорее всего, сидела мама и волновалась о пропавшей дочке.

Она не знала, что именно ищет и как сможет спастись, но отступать уже было поздно. Ещё чуть-чуть — и пули прошли бы сквозь её крохотное тело.

Девочка споткнулась о камешек и рухнула вниз. Лицо оказалось в грязи, ладони кровоточили. Она упала во что-то вязкое и мокрое. Было холодно и страшно.

Она решила, что теперь похожа на ниндзя, который в кромешной тьме бежит по лесу и защищает свой клан. Лёгкая улыбка засияла на детском личике.

— Вон она! — прокричал человек знакомым голосом. — Она почти на границе, не дайте ей попасть внутрь!

Снова посыпался град пуль. Они падали рядом с ней на землю, одна даже отрикошетила и слегка ранила девочку в ногу. Она скривилась от боли, но кричать было нельзя — самые лучшие ниндзя ведут себя очень тихо. Она поднялась на четвереньки и медленно поползла к стальным рельсам.

Сердце билось очень быстро, словно само пространство подхватывало этот молчаливый крик, закодированный в ритме азбуки Морзе.

Морзе? Кажется, об этом кто-то рассказывал в школе. Она не помнила точно, что это значит, но слово казалось красивым и необычным.

Девочка коснулась ослабшей рукой холодного металла и подтянулась. Осталось всего лишь преодолеть препятствие — и она будет на шаг ближе к дому.

Осторожно передвигая ноги, она перешла дорогу. И тут появился яркий свет.

— Стреляйте! — выкрикнул человек.

Это был высокий взрослый мужчина в зелёной форме, как у военных, которые маршируют во время парада Победы. Он выглядел как огромная статуя: ровная, выставленная осанка, широкие плечи с погонами, армейские чёрные сапоги, на которых уже налип приличный слой

грязи. От него пахло порохом и чем-то резким, незнакомым, похожим на спирт, которым обрабатывают раны в госпитале.

Девочка испугалась и бросилась вперёд, не дожидаясь ответа на команду. Она уже была на месте — осталось лишь спрятаться, и всё будет хорошо.

Здесь начинался лес, а значит — и игра в прятки. Ни один из этих солдат не сможет её найти.

Малышка юркнула между деревьев как раз в тот момент, когда за спиной прозвучали выстрелы. Теперь она вдруг забыла о своих ранах и могла бежать так же быстро, как на соревнованиях в школе, когда они с друзьями спорили, кто первым добежит до футбольных ворот.

Под ногами вдруг появился колышек, заставивший девочку пошатнуться. Палатка! Вот оно — спасение! Она пробралась внутрь и прижалась к дальней от входа стенке.

Через мгновение рядом снова зажглись огни. Люди в форме продолжали прочёсывать местность, но, к радости девочки, найти её так и не смогли.

Внутри палатки было душно и темно. Запах сырости. Жужжание насекомых. Её собственное дыхание. Ощущение того, как грудь медленно поднимается вверх. Как опускается. Казалось, всё это собрали по памяти — со множеством швов и ниточек, свисающих с потолка, в каждой из которых была заключена своя история. В таких палатках они с родителями ходили в поход. Папа поднимал их маленький домик над землёй, а мама готовила в котелке суп из разных консервированных баночек, пока она бегала по лесу и собирала дикую землянику.

Воспоминания накрыли её, словно толстый, тяжёлый и колючий плед, которым бабушка укрывала её перед сном. В нём было неудобно, но ко всему можно было привыкнуть. И к этой палатке тоже.

Так наступил рассвет.

Глава 2

— Не порядок! — послышался чей-то хриплый, старческий голос.

Девочка тут же открыла глаза и сощурилась от яркого света, проникающего в палатку. Перед ней на корточках сидел пожилой мужчина, одной рукой державший вход в палатку. Его лицо было морщинистым, загорелым, седые короткие волосы аккуратно зачесаны назад, скрывая появившуюся с возрастом лысину. Оранжевая рубашка в клетку была застегнута до последней пуговицы. На ногах — широкие тёмно-серые брюки.

— Не порядок, — пробурчал он вновь, прищурившись. — Уже давно начались уроки, а ты до сих пор здесь. А ну, вылезай, внучка.

Девочка помешкала, но просьбу выполнила. Она вышла из палатки вслед за стариком.

— Ай-ай-ай, Калина, нельзя нарушать правила, — причитал он.

— Извините, я… — девочка склонила голову, как обычно делала, когда её ругали взрослые, но тут страх перерос в удивление. В груди что-то кольнуло, словно больно ударили под дых. — Подождите… как вы меня назвали?

— Калина, нельзя нарушать правила, — снова повторил дед.

Он медленно уходил вперёд, периодически поглядывая на девочку.

«Калина? Почему это имя мне так знакомо? Неужели я уже где-то слышала его?» — проносилось в голове.

— Подождите! Что вы сказали? — она догнала его и переспросила.

— Калина, все тебя давно ждут! — дед остановился и посмотрел прямо в голубые глаза девочки. — Негоже пропускать занятия.

«Все меня ждут? Неужели это мама!» — обрадовалась она. *«Ну конечно, всё это был страшный сон, я заснула где-то на школьном дворе, и теперь меня отчитывает учитель!»*

Она настолько обрадовалась, что чуть не запрыгала на месте.

— Калина!

— Простите…

Дорога к школе шла через старые склады и детские площадки, где давно ржавые турники и кольца для гимнастики тихо скрипели от ветра. Все здания выглядели одинаково: серые, грязные, с облупившейся штукатуркой и граффити, которые ещё не успели замазать. Их словно специально копировали друг с друга, чтобы не заморачиваться во время строительства.

Они шли по аккуратной гравийной дорожке, вокруг которой росли заросшие сорняками цветы. Казалось, никто и не думал ухаживать за этим местом.

— Я — Виктор Валерьевич, — представился мужчина. — На меня нечасто обращают внимание, поэтому, думаю, ты меня и не узнала. Я здесь за порядок, за дисциплину. А самое главное — за спокойствие. Никто не пройдёт мимо моего острого глаза. Всё должно быть по расписанию: дети на уроках, учителя в кабинетах, обед — вовремя. Понимаешь меня?

Она лишь кивнула. И вдруг услышала, как сама себе отвечает совершенно чужим, незнакомым женским голосом:

— Понимаю, товарищ Виктор.

Он улыбнулся и проводил её до входной лестницы.

Теперь здание приобрело более-менее парадный вид: огромная синяя надпись «Океан» висела на фасаде, вокруг лестницы стояли серые бетонные статуи пионеров, держащих в руках книгу или спортивные принадлежности. Белые двери со стеклянными окошками ограждали вход.

— Умница. Старайся лучше! И не теряйся больше. Тебя все давно ждут! — прокричал Виктор вслед уходящей девочке. Его голос почему-то звучал как старая плёнка в магнитофоне: хриплый, прерывистый, будто звучащий откуда-то сверху.

Калина не ответила. Лишь взялась за круглую ручку входных дверей и зашла внутрь.

Внутри было на удивление светло. Голубая краска на стенах, коричневая квадратная плитка, уложенная узором на полу. Белые узкие двери по две в каждом проходе со стеклом и деревянными поручнями. Под потолком красовались несколько красных лозунгов: «Будь готов! Всегда готов!», «Ты труд другого уважай, сам насорил, сам убирай», чуть ниже висели инструкции о мерах пожарной безопасности, распорядок дня и несколько рисунков на бумаге, приклеенных липкой лентой.

— Калина! Где ты была? — мальчик лет восьми тронул её за плечо. — Давай пойдём в общую комнату, пока ещё идёт перерыв.

Девочка не понимала, что происходит. Он взял её за руку и начал вести куда-то к белым дверям. Тогда она увидела, что на ней чёрное платье до колена с длинными рукавами, а на груди белый кружевной фартучек. По щекам били две аккуратно собранные косички. Интересно, она всё это время была так одета?

Общая комната, как назвал её мальчик, представляла собой небольшое помещение с потёртым коричневым диваном возле окна, столиками разного размера, на которых лежали разного рода книжки, раскраски, бумага и цветные карандаши, а также множество табуретов, расставленных в хаотичном порядке. Почти все места были заняты, поэтому мальчик, одетый, как заметила Калина, в чёрных пиджаке и брюках, подобранные ровно по размеру, сел прямо на подоконник. На его груди засиял значок в виде маленькой красной звёздочки.

— Смотри, что нарисовал сегодня, — он протянул ей мятую бумажку, где было изображено нечто похожее на машину зелёного цвета. В углу подпись: «Рома». — У отца моего такая, вырасту — сам буду ездить.

— Очень красиво, — прошептала Калина.

— Что ты такая кислая, Каля-я, — последние буквы он так долго тянул, откинув голову, что чуть не подавился воздухом.

— Я… Просто, — она не знала, что ответить: кто он такой, почему он её знает и где они вообще. Всё это здание не было похоже на её школу, и вообще всё казалось чужим, необычным и странным. — Я к маме хочу, — тихо всхлипнула девочка, вытирая подступившие к глазам слёзы.

Всё её очень пугало, она не видела знакомых лиц, не понимала, где находится и что теперь делать. Где-то там за железной дорогой ходят люди с автоматами, а здесь — ребята школьного возраста, которых она видит в первый раз, но почему-то каждый знает её имя.

— Опять двадцать пять, — сказал Рома, спрыгивая с подоконника. — Да зачем тебе мама, ты посмотри, как тут здорово! Никаких домашек, строгих родителей, ходи и веселись целый день. Или тебе опять не хочется идти петь нашу песню?

— Песню?

— Мы — весёлые ребята,

Мы — ребята-октябрята.

Так назвали нас не зря,

В честь победы Октября! — запел он, маршируя и двигая руками в такт. — Если забудешь слова, тебя будут ругать.

Калина лишь в недоумении смотрела на своего нового, или уже старого, друга.

— Приём! Земля вызывает Калину! — он помахал перед её лицом рукой и скорчил смешную рожицу. — Спишь ещё что ли?

— Ром… А мы где? — в её больших голубых глазах читалось беспокойство.

— Как где? В детском лагере «Океан». Уже как неделя прошла! — октябрёнок кинул на неё возмущённый взгляд и снова оказался на подоконнике. — Странная ты сегодня, конечно.

Он задумался, стараясь не замечать необычного поведения подруги и лишь болтал ногами, смотря куда-то в сторону.

Вокруг стало шумно, остальные ребята громко спорили, девочки хихикали. Резко звуки обострились. Она слышала каждый шорох, каждый скрип, слышала, как ломается карандаш в руках маленького шестилетнего мальчика, как шелестит лента, заплетённая в косу девочки постарше, как небольшая группа малышей громко топает по старым деревянным половицам.

— Так ты со мной или как? — отозвался Рома.

— Что?.. — Калина не услышала ничего кроме последней фразы. Стало неловко.

— Вообще меня не слушаешь сегодня! — мальчик надулся и скрестил руки на груди. — С самого утра убежала куда-то, а вернулась с хмурой миной. Даже разговаривать с тобой не хочется.

— Прости меня, — ощущения были странными, с одной стороны не хотелось ругаться с единственным человеком, что относится к ней дружелюбно, а с другой — всё было таким странным и чужим, что она не знала, как быть. — Я обещаю, что буду слушать тебя, только не злись…

Она теребила в руках кончик от косички и боялась посмотреть ему в глаза.

— Ай, ладно, как на тебя можно злиться? — Рома ущипнул девочку за щёку и направился к дверям. — Айда, что тебе покажу!

Его светлые, почти белые волосы, словно не настоящие, были похожи на чистый снег морозным утром. Он был такой беззаботный, такой радостный и добрый, что заставил Калину невольно улыбнуться. Как можно было не последовать за этими голубыми глазами, похожими на озеро Байкал?

— Что там? — поинтересовалась девочка, идя по коридору.

— Это тайна! Поклянись, что никому не расскажешь!

— Клянусь! — звонко ответила Каля. — Слово октябрёнка!

Рома завернул за угол и поднялся по ступенькам на второй этаж. Там было множество деревянных кроватей, расставленных вдоль стен. У каждого спального места своя небольшая тумбочка. Было пусто. По всей видимости, это был блок для мальчиков, а они все сейчас резвятся где-то на улице.

Школьник подошёл к самой дальней кровати и присел, открывая нижний шкафчик тумбочки. В его руках оказалась красная коробочка спичек, какими мама обычно зажигала газовую плиту. Он поднёс её к уху и прислушался.

— Смотри, как жужжит! — и правда, что-то в коробке громко стрекотало.

В глазах потемнело, а в голове возникли чьи-то голоса.

— Калина Манн! Калина Манн! Вы уже…

Она несколько раз моргнула, стараясь прийти в себя. Что это сейчас было?

— Калина Манн, что вы тут делаете? Это блок только для мальчиков! Вам нельзя здесь быть! — строго произнёс кто-то сзади.

Взрослая учительница лет сорока схватила девочку за руку и повела к выходу. На ней было лёгкое светлое платье, что почти доставало до пола. Сверху — коричневый, почти чёрный пиджак с тремя жёлтыми пуговицами. Но самое интересное — красивые бежевые туфли-лодочки, какие часто носила её мама на праздники.

— И чтобы я тебя здесь больше не видела! — женщина больно толкнула её в сторону и тут же пропала. Перед Калиной снова стоял Рома.

— Вот это у тебя лицо было! — рассмеялся он. — Ты что, жуков боишься? Прям побледнела вся, как только я открыл коробку. А я уж хотел предложить тебе со мной пойти ловить пожарников! Ну и ладно, Пашку, значит, попрошу.

Непонятно отчего, но Калине стало очень обидно, то ли из-за того, что её отругали, то ли потому, что она не могла вспомнить, кто такой Пашка, а может, ей самой хотелось пойти и вместе с ним ловить пожарников, складывая их в маленькие спичечные коробочки. Ведь она никогда не боялась жуков!

Прозвенел звонок. Дети вдруг разом кинулись по кабинетам.

— Вот блин. Опять эта музыка, — проворчал Рома, направляясь к какой-то двери. — Пошли, а то опоздаем.

И Калина вновь двинулась за ним.

Глава 3

Калина едва успела проскользнуть в класс, как следом зашла она — Ольга Александровна. Высокая, стройная блондинка, в безупречном коричневом костюме. Он был идеально выглажен, без единой торчащей ниточки, без единого залома. Не было даже катышек. Она держала в руках толстую папку, видимо, туда заносили всю информацию о детях, а также планы занятий, и несколько письменных принадлежностей, среди которых Калина приметила ручку с золотистым колпачком и несколько идеально заточенных простых карандашей. На её носу изящно поблескивала тонкая, почти прозрачная, оправа очков, придававшая её лицу особую строгость. Она была словно не из этого мира, нарисованная, списанная с литературных произведений, вырезанная из модных журналов.

Класс был довольно просторный. Высокие потолки, большие окна, из которых лились тёплые лучи солнца, окрашивающие помещение в бледно-жёлтый цвет. Стены аккуратно выкрашены в бежевый цвет, кое-где облупившиеся. На них висели чьи-то портреты — возможно, известных музыкантов. Но ни одного из них Калина не смогла узнать. В воздухе витал запах мела и мокрой тряпки, которой вытирали доску. Парты стояли чуть поодаль, освобождая место для стоящих детей.

Учительница остановилась у стола, разложила все свои принадлежности, повернула папку так, словно примеряла её к какой-то идеально выстроенной линии. Затем быстро и элегантно поправила очки, осмотрев учеников поверх оправы. Она поздоровалась, её голос звучал строго и громко, как подобает преподавателям. Калина вздрогнула от неожиданности.

— Начнём урок. Надеюсь, в этот раз все будут вести себя как подобает? — Ольга Александровна снова обвела взглядом толпу школьников, собравшихся в кабинете. Здесь были и девочки, и мальчики в одинаковых формах, точно таких же, что носили Калина и Рома. Все стояли в одну шеренгу, выстроенную строго по росту, словно солдаты на плацу.

Калине повезло стоять возле Ромы. Хоть так ей становилось немного спокойнее — рядом его лёгкое дыхание, тихий смешок, словно всё вокруг было лишь игрой, испытанием.

— Калина! — неожиданно воскликнула Ольга Александровна. — Неужели ты у нас наконец-то появилась? Прогуливаешь музыку?

— Никак нет, — почти неслышно прошептала девочка, склонив голову. Было страшно смотреть в грозные зелёные глаза, прожигающие её изнутри.

— Мы здесь за порядок! За равенство! За единство! — отчеканила она. — Какой пример ты подаёшь своим младшим? Ты как-никак уже в третьем классе, а всё такая же бестолковая.

Калина сжала зубы, впилась ногтями в ладони. Лишь бы не плакать. Лишь бы не плакать. Нельзя. Нельзя. Она стояла не шевелясь, ожидая наказания или нового потока злобы.

Но Ольга Александровна вдруг изменилась, стала весёлой, дружелюбной и милой. Строгость растворилась где-то в воздухе, лицо стало мягким, даже слегка озорным. Она села за чёрное лакированное пианино в углу комнаты — старое, но хорошо отполированное, с белыми клавишами, над которыми виднелась еле заметная паутинка пыли. На крышке стоял кувшин с водой, а в нём — маленькая розочка цвета алого заката. Почти увядшая, но не растерявшая своей красоты. Она начала играть. По комнате побежали первые аккорды. Прекрасная мелодия наполнила воздух, сделала его легче, уютнее, мягче. Она лилась так чисто и сладко, как льётся свежевыжатый яблочный сок в стакан со льдом. Все начали петь — звонко, хором. Слова сами ложились на язык, будто Калина знала их всегда. Отчего-то она сразу влилась в ритм, вспомнила эту странную песню октябрят, что когда-то давно слышала мельком. Не было страха, не было ошибок, всё растворилось в музыке, словно белые крупицы сахара в горячем горьком чае.

Один мальчик отчего-то закашлялся. Он согнулся и стал бить рукой по груди. Кашель был сухим, рваным, словно его горло царапали изнутри. Музыка остановилась. В кабинете повисла тяжёлая тишина, и каждый ощущал её вес.

— Что у тебя там опять, Павел? — и вот она снова стала ведьмой. Её голос холодный, резкий, словно сосулька, падающая с крыши.

— Ничего… всё в порядке, — он испуганно повернул свою рыжую головку в красной пилотке, стараясь выпрямиться.

Ведьма ничего не ответила, снова вернулась к пианино и начала играть. Теперь аккорды обрели силу, она стучала так, будто хотела силой выбить музыку из музыкального инструмента.

Калина любила музыку, вспоминала, как вместе с отцом пела под гитару старые песни, которые так надолго засели в душе. Иногда они сочиняли что-то самостоятельно, придумывали смешные истории и пели так громко, что даже птицы разлетались по углам. Она улыбнулась.

Паша вновь закашлялся. Звук разнёсся по классу, как гром среди ясного неба. Все напряглись. Теперь ведьма встала. Она вдруг стала ещё больше, на три, нет, на пять голов выше ребят. От неё падала страшная тень, закрывающая половину стены. Она схватила мальчика за руку и вывела из строя.

— У нас скоро выступление, если ты будешь себя так вести, то я доложу обо всём директору, — она кричала так сильно, что даже слюни вылетали из её рта.

— Но я ведь… — мальчик хотел оправдаться, сказать любую ложь, лишь бы не отводили к директору, но Ольга Александровна была непреклонна, её зелёные глаза горели как два холодных фонаря.

Она вывела его в коридор и хлопнула дверью, бросив напоследок пару слов:

— Подумай над своим поведением!

В классе снова воцарилась тишина, теперь густая и тревожная…

Калине отчего-то стало жалко Пашу. Она не знала его, но эта грымза явно поступила бесчеловечно. Ведь он не мешал занятию, лишь покашлял немного. Вдруг он заболел? Или у него аллергия? Это же нормальная реакция организма. Она бросила короткий взгляд на Рому, стоящего неподвижно, и словно во сне сделала шаг вперёд.

— Манн? Что ещё такое? — вновь рявкнула учительница.

— Мне кажется, вы поступили неправильно, — она всё ещё боялась ведьмы, но что-то внутри отчаянно желало бороться за права одноклассников. Ведь они были октябрятами. Одной семьёй. Разве вот так просто можно бросить товарища?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что Пашу надо было оставить! Он хороший и приличный мальчик. Он не сделал ничего плохого! — Калина топнула ножкой и зажмурилась, как будто это могло добавить ей смелости.

Дети удивлённо вздохнули. Кто-то начал шушукаться, кто-то с восхищением смотрел на девочку, а у кого-то на лице читалось явное «ты что творишь?».

— Ты хочешь устроить мне тут беспорядки?! — воскликнула Ольга Александровна, подходя ближе. Казалось, она вот-вот растопчет её маленькое тело или ещё хуже — оторвёт голову! Но терять уже было нечего, осталось принять поражение и идти дальше.

Вновь прозвенел звонок. Звонкий, спасительный и такой радостный, словно куранты в новогоднюю ночь. Неужели урок закончен? Калина ликовала. Ведьма не могла ничего ей сделать, ведь урок уже закончился!

— Только попробуй в следующий раз совершить какую-нибудь глупость! — она пригрозила пальцем. — Живого места на тебе не оставлю. Отправишься вслед за этим.

Но Калине уже было всё равно. Главное, она снова в безопасности. Сердце стучало, но в груди теплилась маленькая искорка гордости.

— Ну ты даёшь, — крикнул Рома, выходя из кабинета. — Вот это ты ей показала. Она тебя век помнить будет.

Ему отчего-то было весело. Он хохотал без устали, повторяя только что сказанные слова или передразнивая ведьму, изображая её строгий взгляд и игру на пианино.

— Как хорошо, что мы только один раз в день поём эту дурацкую песню, — добавил он, ускоряя шаг. — Но самое главное, что следует за ним — плотный обед.

Рома погладил свой живот и облизнул губы.

— Ура! Кушать! — обрадовалась Калина, чувствуя, как вместе со смехом уходит весь страх.

Глава 4

После урока музыки Калина шла вместе с Ромой вниз по коридору, чувствуя, как сердце ещё немного подрагивает от недавнего происшествия. Но страх уже растворялся в шуме перемены. С каждой ступенькой вниз становилось легче, а запах чего-то горячего и вкусного из столовой постепенно перебивал все тревожные мысли.

Столовая оказалась совсем не примечательной: несколько длинных белых столов на серых железных ножках, вокруг которых стояли по четыре маленьких деревянных табурета. Стены были выкрашены в блеклый жёлтый цвет, от окон тянуло лёгкой прохладой. У дальней стены возвышалась массивная фигура поварихи — крупной женщины в крахмальном белом колпаке и вечно закатанном фартуке. Щёки её пылали от жары, а руки так быстро раскладывали еду по тарелкам, что казалось, будто половник в её ладони живёт собственной жизнью. Создавалось впечатление, что она любит свою работу и превращает готовку пищи в некий ритуал, известный только ей. У неё не было других помощников, кроме дежурных, накрывающих на стол, но даже так она умудрялась накладывать идеально ровные порции в несколько десятков тарелок.

С одной стороны громоздкой тумбы лежала высокая стопка разноцветных подносов, с другой — блестели металлические ложки и вилки, пахнущие горячей водой и чем-то железным. Надежда Петровна, так звали повариху, не переставала командовать, словно на кухне шёл настоящий парад.

— Сейчас все сюда сбегутся, а у вас ещё ничего не готово! — её голос был хрипловатый, но звучал громко, как колокол. — Осталось пять минут до обеда, пошевеливайтесь!

В столовой пока было пусто — видимо, сегодня именно их класс дежурил, накрывая столы к обеду. Ребята быстро разбежались по рядам, спеша расставить тарелки и приборы. Калина вместе с неугомонным Ромой, что быстрее всех носился с тарелками от одного стола к другому, умудряясь при этом подшучивать над одноклассниками, готовила два ближайших стола.

Она старалась не обращать внимания на крики поварихи, ведь не любила, когда её подгоняют. Поэтому накрывала на стол в своём темпе, тщательно, будто это было какое-то особое задание. Сегодня на обед было картофельное пюре — мягкое, пахнущее сливочным маслом, — и две маленькие розовые сосиски, от которых ещё поднимался пар. Их расставлять было проще всего: четыре места — четыре тарелки с одинаковыми порциями.

С супом всё оказалось гораздо сложнее. Красная жидкость то и дело норовила выплеснуться из глубокой чаши, оставляя тонкие следы на краю. Калина смогла аккуратно донести лишь одну тарелку борща, пока другие ребята уже справились с половиной работы. Каждый шаг сопровождался лёгким бульканьем супа, ароматом чеснока и капусты, отчего у девочки громко заурчало в животе.

— Осторожнее, Манн! — донёсся крик Надежды Петровны, когда Калина поставила вторую тарелку и чуть не пролила её на белую скатерть. — У нас тут не художественный кружок, а столовая!

Калина слегка разозлилась, но промолчала. Её смущало, что все эти взрослые — и учительница музыки, и даже повариха — только и делают, что кричат и торопят. Но всё же внутри росла тихая радость: работа почти закончена, столы аккуратно накрыты, и вот-вот в дверях покажутся дети.

На часах пробило ровно 13:00, и в столовую начали сбегаться школьники. Кто-то шумно тащил табурет, кто-то шутил и толкался, отчего воздух сразу наполнился гулом голосов. Одни садились компаниями — любители читать, ходившие вместе на кружок и обсуждавшие книги;

спортсмены, что неугомонно гоняли мяч на переменах; музыканты и художники. Каждый стол будто собирал вокруг себя свой маленький мир.

Калина украдкой вытерла руки о платье и оглянулась.

Девочка растерялась — людей было так много, что она не знала, куда ей лучше сесть. Шум, звон посуды, запах горячего картофельного пюре и сваренных сосисок только сбивали с толку. Тут её окликнул Рома:

— Что стоишь! Садись давай! — он махнул рукой в сторону табуретки. — Я взял нам чуть больше хлеба!

Мальчик сиял как победитель, держа на подносе три куска, и говорил с набитым ртом, будто боялся, что трофей отнимут.

Калина осторожно села напротив, с тоской глядя на свою тарелку. Есть хоть и хотелось, но почему-то содержимое тарелки отталкивало.

— С тобой явно что-то не так, — заметил Рома, разглядывая её. — Не говоришь, не ешь, жуков искать не хочешь.

— Не знаю… — протянула она. — Можно тебе секрет рассказать? Только не смейся, ладно?

Школьник важно кивнул, отправляя в рот очередную ложку пюре.

— Я как будто попала в другой мир, — тихо сказала Калина. — Всё вокруг знакомое и чужое одновременно. Я ничего не помню. Это место вроде привычное, но пугающее. В голове каша. Я не знаю, что делать…

Рома внимательно слушал, и только через пару секунд выдал короткий смешок:

— У тебя точно солнечный удар!

— Извини, глупости говорю, да… — она наклонила голову и уставилась на лакированные туфельки.

— А что ты вообще помнишь? — с интересом спросил он. — Должно же хоть что-то остаться! Давай так: ты расскажешь, что помнишь, а я расскажу про всё остальное!

— Что помню? — девочка задумалась, крутя ложкой в густом пюре. — Лес… звёзды… железная дорога… люди в форме… страх… палатка… утро… — она медленно перечисляла, стараясь не пропустить ни одной детали.

— Ты была за железной дорогой?! — глаза Ромы стали круглыми, из рук едва не выпала вилка. Он смотрел на неё так, будто она совершила научное открытие или невероятную глупость.

— Это плохо? — смущённо спросила Калина.

— Ты что! Никому нельзя ходить за пределы железной дороги! — Рома перешёл на шёпот, будто боялся, что их подслушают. — Говорят, непослушных детей туда отправляют. И никто не возвращается!

— Но что там, за этой дорогой? — Калина наклонилась ближе. Косичка с плеском упала прямо в стакан с компотом, и красные капли разлетелись по столу.

— Это ты мне скажи. Никто из наших там не был. А учителя злятся, если спросить. Это заколдованная зона, как тот самый Бермудский треугольник из книжки! — он соединил большие и указательные пальцы, показывая геометрическую фигуру. — Попасть можно, а вот вернуться…

— Но как же мы сюда приехали? Не могли же нас привезти в лагерь, не пересекая дорогу? — задумчиво спросила Калина.

Рома замолчал, нахмурился, казалось, его мысли уходят куда-то в пространство, путаются, пугают, доходят до истины.

— Как вообще выглядит наш лагерь? — снова спросила Калина, но ответить он не успел.

— Ребята, привет! — возле стола появилась невысокая девочка со светло-русыми волосами, заплетёнными в две тугие косички. На её носу весело подпрыгивали веснушки, а глаза

сияли любопытством. Нина всегда двигалась стремительно, словно боялась опоздать даже к собственным мыслям.

Она опустилась рядом с Ромой, аккуратно положив на стол пару книжек, и медленно начала есть.

— А я вас везде ищу! О чём говорите?

— Она была за железной дорогой, — прошептал Рома прямо ей в ухо.

Реакция была молниеносной: круглые глаза, открытый рот, сердце словно застучало громче — даже ложка в её руке замерла.

— Ты была там?! — спросила Нина так громко, что несколько ребят за соседними столами оглянулись.

— Я плохо помню, что там было… Но, может, из-за этого я себя так странно чувствую… — тихо призналась Калина.

— Нин, скажи, с ней что-то не так сегодня, — добавил Рома, указав на подругу пальцем.

— Угу… — Нина с тоской взглянула на Калину. — Я тебя утром видела, а ты даже не поздоровалась. Я решила, что мы поссорились…

— Извини. Я правда не помню, что случилось, — шепнула Калина, чувствуя ком в горле.

Дети резко замолчали, обдумывая услышанное. Казалось, в столовой возникла какая-то невидимая тайна, и теперь она качалась прямо над их головами, словно старая люстра на ржавой цепочке.

— Я думаю, всё устроено так, — нарушил тишину Рома. Его голос был уверенный, но с каждым новым словом между губ проскальзывала нотка сомнения. — Наш лагерь, с одной стороны дорога, с другой лес. Вот и всё. Ничего особенного.

— А где город? Из какого города мы приехали? — Калина наклонилась вперёд, будто стараясь прочитать что-то в сознании Ромы.

— Я из Якутска, — отозвалась Нина. — Мы приехали с севера, остановились возле дороги… и потом меня встретили здесь. Я уснула тогда, так что мало что помню.

— А я из Москвы, — задумчиво добавил Рома. — Но даже если так… Когда я приехал, железная дорога тоже была. Неужто их на самом деле две?

— А что, если это не дорог две… — голос девочки стал тише, неувереннее, словно она боялась дотронуться до чего-то очень хрупкого, чего-то, что может изменить жизнь. — А мы внутри дороги?

Слова повисли в воздухе. Даже гул столовой стал казаться отдалённым, ненастоящим. Словно звук телевизора где-то на фоне.

— Но куда тогда ведёт лес?

— Да никуда. Он бесконечный! — ухмыльнулся Рома, раскачиваясь на табурете.

— Если так подумать, — Нина украдкой посмотрела на подругу, видимо, боясь сказать глупость и показаться странной. — то лес не бесконечный. Я пару раз гуляла по этим тропинкам, но каждый раз возвращалась назад, словно то, что было сзади вдруг оказывалось впереди.

— Лес… дорога… лагерь… — перечисляла Калина. — То есть мы находимся в кольце? В центре — наш лагерь, дальше по кругу лес, а за ним железные пути. Они опоясывают всё остальное, соединяясь где-то за пределами… Или прямо здесь.

— Зачем тогда такая дорога? — Рома усмехнулся, но взгляд у него стал настороженным. — По ней же поезда ездить не будут?

— Что, если дорога нужна не для поездов? Что, если она нужна, чтобы сдерживать…

Договорить Калина не успела. Прямо над их столом появилась огромная фигура поварихи.

— Вы долго тут ещё сидеть собрались? — её голос прорезал воздух. — А ну быстро убирайте за собой и марш по кроватям. Тихий час никто не отменял!

Дети испуганно собрали тарелки в одну кучу и бросились к дверям.

— Если бы она нас услышала! — затараторила Нина, её пальцы дрожали, когда она прижимала поднос к груди.

— Да не парься ты, — Рома был такой же уверенный, как и всегда, казалось, его вообще не пугают стычки с учителями. — Знаете что? Нам надо пройтись вдоль дороги. Узнаем, права ли Каля.

— Но это опасно! Вдруг нас поймают! — Нина испуганно обернулась, словно уже ждала чьих-то шагов за спиной.

Но Калина уже не слушала их. Она медленно шла по коридору, разглядывая фотографии на стенах — отрядные снимки, весёлые лица детей. Но что-то в этих снимках не сходилось. Словно недостающий кусок пазла. Что-то в этом всём не укладывалось. Была здесь определённо какая-то тайна. Всё это не сходится. Картинка не получается. Картинка не…

Паша!

На одной из групповых фотографий вдруг появилось пустое место — странный разрыв в ряду, как будто кто-то стёр человека со снимка. Калина взглянула на него и постаралась вспомнить, кого же здесь не хватает.

— А почему тут нет Паши? Мальчика с урока музыки? — спросила девочка.

— Какого Паши? — удивилась Нина. — Здесь никогда такого мальчика не было. Или он недавно приехал? Я думала, новые смены только в начале месяца набирают.

— Да нет же, посмотрите, тут должен был быть Паша! Я точно помню! — Калина прижалась к фотографии, будто пыталась вытащить из неё ускользающую память.

Рома хлопнул её по плечу:

— Мне кажется, мы должны идти в комнаты, иначе не поздоровится.

Он развернулся и пошёл к лестнице, ведущей в блок для мальчиков, оставив одноклассниц одних со странными фотографиями.

— Я бы тоже пошла спать… — Нина теребила подол платья и смотрела куда-то в сторону. — Ты ничего не подумай, просто… всё так жутко звучит.

— Ладно, пошли отдыхать, — тихо согласилась Калина. Но взгляд её всё ещё цеплялся за пустое место на фотографии.

Глава 5

Кровать была на удивление достаточно удобная. Мягкая перина, огромное тяжёлое одеяло в пододеяльнике с квадратной дыркой прямо посередине. Свет, падавший из окна, был тёплым и сонным, освещал ещё несколько аккуратно заправленных кроватей рядом. Почти все девочки спали, но Калина не могла унять нарастающее беспокойство. Что-то было не так.

Она хотела пройтись и всё же докопаться до правды. Девочка медленно поднялась, стараясь не мять простыни. Несколько тихих, осторожных шагов, чтобы не разбудить девочек и не наступить на ту самую скрипучую доску, что обязательно есть в каждом доме. Дверь открылась с длинным, жалобным скрипом — будто сама роптала на то, что её потревожили ото сна. Калина юркнула в коридор и прижалась спиной к двери. Как хорошо, наконец-то, свобода. Но почему вдруг стало так холодно?

Лампочки дрогнули и замигали. Свет изменился: из жёлтого и мягкого он превратился в резкий, холодный, почти больничный. Коридор казался бесконечным, и по обе стороны тянулись одинаковые двери, за которыми скрывались небольшие комнаты с окнами на полстены. Калина осторожно заглянула в одно из таких окон и замерла.

Внутри — узкие металлические койки. На них лежали дети, совсем маленькие, не старше шести лет. Каждый был привязан тугими ремнями, как будто взрослые боялись, что они проснутся и начнут вырываться. Из рук торчали иглы капельниц, от которых тянулись тонкие прозрачные трубки, наполненные густой жидкостью. А над каждой кроватью висело странное сооружение, что-то похожее на огромного паука из железа и проводов — мигающие лампочки, движущиеся механизмы, тонкие шланги, что уходили прямо к их головам.

Дети, казалось, просто спали, но это был странный сон. Их веки были плотно закрыты, но под ними быстро, судорожно двигались зрачки, будто они наблюдают за чем-то, смотрят, двигаются, живут. Но на самом деле они просто лежали в кровати, накрытые белой простыней. Время от времени губы едва заметно шевелились, словно дети пытались что-то сказать в своём сне. Но звуков не было. Лишь тихий писк приборов, мирный «кап-кап» капельниц и странный гул, будто сам воздух вибрировал.

К одному ребёнку подошла молодая девушка в белом халате. На вид она казалась доброй — чистое лицо, спокойный взгляд. Наверное, хочет им помочь? Но её руки двигались слишком уверенно и слишком холодно. Она воткнула иглу в плечо ребёнка и влила оранжевую странную жидкость: густую, как расплавленный янтарь. Потом повторила то же самое с остальными, даже не задержавшись, чтобы взглянуть им в глаза. Её волновали лишь процедуры, будто всё так и должно быть.

Калина почувствовала, как её дыхание сбилось. Воздух в коридоре вдруг стал липким, пах каким-то химическим лекарством, что заливают в горло врачи при ангине. Сердце билось где-то на языке. Она хотела отпрянуть, но ноги не слушались. Тело стало тяжёлым, словно её прибили к полу. Лишь зрачки стали в два раза уже от яркого больничного света.

Всё вокруг закрутилось. Почему-то теперь она видела огромное множество детей в сотнях больничных палат, что еле слышно молили о помощи. Медсестра подняла голову. Их взгляды встретились через мутное стекло окна. На лице девушки не дрогнуло ни одной мышцы — только ровная, чужая улыбка. Она шагнула к двери.

В воображении Калины всё начало меняться: казалось, что дверь открывается, её хватают за руки, втаскивают внутрь, ремни туго прижимают к койке, игла входит в вену, а жуткий паук из проводов опускается прямо к её голове. Стальные лапы шевелятся, как будто собираются проникнуть под кожу, в сам мозг.

— Калина! — грубый голос разорвал тишину. — Калина!

Всё померкло. Лампы погасли, а свет стал снова тёплым, мягким. Девочка дёрнулась, словно вырвавшись из липкой паутины сна.

— Ну же, вставай! — рядом склонилась Нина. — Тихий час уже закончился. Тебе кошмар приснился, да?

Калина, всё ещё не отошедшая от сна, тяжело дышала, смотря на подругу.

— Что? — неуверенно прошептала она.

— Бедная ты, — грустно ответила Нина. — Не переживай, сон закончился. Теперь надо прибраться и на кружки идти. Какой ты выбрала?

Но понять, что вообще происходит вокруг, было сложно. Калина до сих пор не могла развидеть тех детей, привязанных к больничным койкам. Странная больница из сна будто не отпускала её, липла к мыслям, как холодная паутина. И тут ещё Нина со своими кружками.

— Ты иди, я тебя потом догоню, — еле выдавила из себя Каля.

— Как скажешь. Только не задерживайся тут! — девочка ещё немного постояла на месте, чтобы убедиться, что с подругой всё в порядке, и вышла из общей комнаты.

Калина закрыла глаза, стараясь представить что-то хорошее. Может, она просто слишком впечатлилась, вот и снилось всякое… В голове крутилось множество мыслей, начиная с пропажи Паши и заканчивая этой странной комнатой. Всё спуталось, будто клубок острой проволоки, проникающей куда-то в глубины мозга и оставляющей там новые шрамы, что никогда не заживут.

Кровать пришлось заправить, чтобы вновь не получить выговор от воспитателей. Она аккуратно уложила подушку, расправила одеяла и в этот момент заметила маленькую девочку, сидящую на кровати возле окна.

У неё были чёрные волосы до плеч, тонкая ночная рубашка, что подчёркивала худой, почти прозрачный силуэт.

— Ты не идёшь? — неожиданно для себя спросила Калина.

Девочка не отвечала. Лишь покачивалась из стороны в сторону, продолжая смотреть в слегка приоткрытое окно.

— Эй! Ты как? — беспокойство кольнуло куда-то под сердцем. Вновь происходит что-то странное.

Калина подошла ближе. Никакой реакции.

— Что ты сидишь здесь? Что-то случилось? — голос начинал дрожать, отчего-то стало страшно. Хотя нет, не от чего-то, а именно от пустых жёлтых глаз одноклассницы. Совсем пустые, как будто выжженные солнцем. Они смотрели прямо на лес. Не моргали. Не шевелились. Даже зрачки не дрогнули, хотя тень Калины уже давно легла на девочку.

Внутри появилось колючее ощущение тревожности. Будто миллионы иголок вонзились куда-то в спину. Она повернула голову в сторону леса, желая понять, что же там такое. Но ничего не увидела. Лишь сосны, покачивающиеся на ветру и солнце, уже склонившееся к закату.

— Люблю лес, он красивый и спокойный, — нарушила тишину сидящая девочка. Её голос был тонкий, еле слышный, словно она была маленькой птичкой, поющей песню поутру.

— Что говоришь? — девочка так и не изменила своего положения, продолжая двигать ногами в такт какому-то ритму в своей голове.

— Люблю лес, он красивый и спокойный, — повторила она.

— Ты… Не хочешь спуститься вниз, чай попить? — Калина не знала, о чём говорить и как вызвать хоть какую-то реакцию собеседницы.

— Люблю лес, он…

— Да что с тобой! — не выдержала Калина, схватив её за плечи. Она трясла девочку так сильно, что голова так и ходила взад-вперёд, будто и вовсе не была прикреплена к шее.

— Извини… Я, наверное, не в себе, — выдохнула Калина, отпуская девочку. Страх и отчаяние внезапно будто отступили, сменившись холодной пустотой. Будто все эти секунды это была совсем другая личность. Она села рядом, продолжая держать руку на худом плече девочки. — Как тебя зовут?

— Люблю лес, — прозвучало в ответ.

— Л-ладно… Мне тоже нравится лес, но… — на тумбочке лежал небольшой блокнотик с надписью посередине: «Мира». Видимо, именно так звали девочку.

Почему-то именно этот блокнот в глазах Калины имел странное свечение, какое обычно бывает в разных играх, где среди прочих вещей выделяются сюжетные предметы. Она почувствовала — этот блокнот важен. Его обязательно нужно было взять. Может, она найдёт там хоть какой-то ответ. Может, узнает, что случилось с Мирой…

— Можно посмотреть? — спросила она почти машинально, но ответ был тот же. Девочка раскачивалась и повторяла свою фразу снова и снова, словно заевшая пластинка. Она любила лес.

Не дождавшись реакции, Калина быстро сунула блокнот себе за пазуху. Сердце билось так сильно, что казалось — его услышит весь лагерь. Она чувствовала себя воришкой, которую вот-вот поймают на месте преступления. Она не знала, почему сделала так, почему решила оставить девочку, забрать её вещи и просто убежать. Может, это уже было частью её истории, написанной кем-то когда-то давно? Может, она правда была лишь в игре, где нужно докопаться до истины?

Попрощавшись с Мирославой, она железно пообещала принести ей что-нибудь перекусить — лишь бы уйти.

Что происходит? Откуда эта девочка?

Калина быстро спустилась по лестнице и чуть не столкнулась с Ромой.

— А, вот ты где! А мы тебя все ищем! — заулыбался он. — Какой кружок ты выбрала?

Школьница, не ожидавшая увидеть кого-то поблизости, резко подняла голову и вместо ответа неожиданно выпалила:

— Ты знаешь Мирославу?

— Чего? — мальчик удивлённо моргнул.

— Мирославу. Миру. Девочку такую… с волосами короткими, — она на секунду провела рукой по своим волосам, стараясь примерно указать длину.

— Ну да, знаю, наверное, — Рома почесал затылок, будто пытаясь вспомнить, о ком идёт речь. — Не со всеми же я знаком… Видел пару раз. Она часто у окна сидит, к ней не подберёшься. А что ты спрашиваешь?

— Она ведёт себя странно! — воскликнула девочка, но тут же очнулась и сбавила голос. — Повторяет одно и то же, качается взад-вперёд… как будто не видит меня совсем.

Рома всё это время лишь кивал головой, смутно понимая, о чём вообще идёт речь.

— Я не знаю, что с ней, — продолжила она уже почти шёпотом, — но мне почему-то захотелось взять её блокнот. Может, там мы найдём что-то интересное. Она постоянно твердит про лес и… — девочка вытащила из-за спины тонкую потрёпанную тетрадь и показала её Роме, как доказательство.

Тот дёрнулся, будто от огня.

— Ты что, с ума сошла? — прошептал он, наклоняясь к ней так близко, что их головы почти соприкоснулись. — А вдруг нас заметят? Ну, убери скорее! — он озирался по сторонам, будто кто-то мог выскочить прямо из окна.

В этот момент раздался звонок, оповещающий о начале спортивных занятий. Он показался Калине слишком резким — как будто кто-то наблюдает, как будто всё вокруг стало настороженным.

— Я вот на спортивное ориентирование пошёл, — снова заговорил Рома, явно довольный своим выбором. — Прикинь, как круто разбираться в незнакомых местах с картой и компасом! Если ты где-то потеряешься, я непременно смогу тебя спасти. Да, *мама*?

Калина кивала головой, но мысли её были далеко не об этом. Её не интересовали кружки или что-то подобное. Ей хотелось узнать правду. Разгадать тайну лагеря. Перед глазами всё ещё стоял образ Мирославы с пустыми жёлтыми глазами и этот блокнот, который жёг грудь сквозь ткань. Последние слова Ромы заставили её резко очнуться.

— Что? — она посмотрела на него с подозрением, словно проверяя, не шутит ли он. — Как ты меня назвал?

— Калина! — крикнул он прямо в ухо так громко, что девочка вздрогнула. — Как ещё тебя называть? Так ты пойдёшь со мной или нет?

Она недоверчиво кивнула, но холодный комок сомнений не растворился. Может, он просто оговорился? Или ей послышалось? Она ведь точно не может быть… чьей-то мамой? Мысль была абсурдной, но отчего-то неприятно кольнула.

— Всё, хватит стоять столбом! — Рома ухватил её за запястье и повёл к выходу.

В коридоре то и дело появлялись другие ребята, разбредающиеся по своим занятиям. Калина не знала точно, что именно тут проводится, зачем это нужно и почему каждый выбирает что-то одно, но решила довериться выбору Ромы.

Где-то позади хлопнула дверь, будто это был не обычный сквозняк, а сам лагерь томно вздохнул. Шевельнулись шторы, и девочке на миг показалось, что окна смотрят на неё — стеклянные глаза, без век, без зрачков, холодные и равнодушные. Прямо как у Миры. Она встряхнула головой, прогоняя напряжение.

Краем глаза Калина заметила стоявшую позади Ольгу Александровну, что с такой же свойственной ей злобой провожала взглядом своих воспитанников. Казалось, она считает их, следит, чтобы каждый шёл в нужную сторону. Может, она даже умеет видеть сквозь стены?

Они вышли наружу. Там, где открывался вид на лес и огромное поле позади лагеря. Солнце резало глаза, пахло смолой и нагретыми соснами, но вместо привычной радости Калина почувствовала, как внутри что-то сжимается, словно лагерь не хотел их отпускать. Двор казался слишком правильным, будто нарисованным — ровные дорожки, одинаковые клумбы, даже деревья, словно под копирку.

— Пошли, сейчас уже все соберутся, — Рома потянул её за собой к группе детей у старого флагштока. Там уже строили ряды, весело переговариваясь, будто всё в лагере было нормально.

Но Калина знала — нет, что-то тут не так. И в этот момент она заметила на краю строя знакомую фигуру — Нина тоже выбрала этот кружок. Девочка улыбнулась, но взгляд её был внимательным, будто она уже ждала их.

Разговор в столовой явно оставил на себе некий отпечаток, лишь Рома продолжал делать вид, что ничего не изменилось. Нина хоть и была скромной и наивной девочкой, но даже у неё был тот самый стержень, не дающий людям упасть или отказаться от своих убеждений. В её взгляде читалось странное спокойствие, будто она уже что-то знала. А может, она намеренно выбрала именно этот кружок, чтобы вновь прогуляться в лесу?

В центре строя, между рядами детей, стоял высокий мужчина лет сорока пяти, с прямой спиной, и по-военному выпрямленной осанкой, словно он сам был частью линии, которую никто не осмелился бы согнуть. Лицо у него было суровое, но не злое — резкие скулы, чуть обветренная кожа и внимательные серо-голубые глаза, которые всё замечали, даже если он не поворачивал головы. Чёрные волосы с редкими сединками аккуратно подстрижены, на висках поблескивал серебряный налёт усталости. Где-то на лбу красовался длинный шрам, рассекающий бровь — наверное, полученный где-то в экспедиции.

Одет он был не по-лагерному, а скорее как человек, привыкший к походам: тёмно-зелёная ветровка, крепкие штаны с множеством карманов, на поясе свисток, а на ногах старые, но

ухоженные треккинговые ботинки. Рядом на лавке лежали связка компасов, сложенная стопкой карты на плотной бумаге и потёртый, местами выцветший, кожаный планшет с ремнём — видно, он пользовался ими постоянно, а не только для занятий с детьми.

Он что-то записывал в небольшой блокнот твёрдой рукой, изредка поднимая взгляд на ребят, отмечая каждого по очереди. Иногда пальцами постукивал по планшету — привычка человека, который постоянно сверяет что-то в уме. В нём ощущалась не столько лагерная строгость, сколько спокойная собранность человека, умеющего находить дорогу даже там, где её нет. Он не казался злым или страшным, скорее, как добрый дедушка или верный друг отца, что пережил многое, но даже несмотря на это был готов поделиться своим опытом и помочь детишкам. Когда он улыбался, это было коротко и сдержанно, но от этого не менее искренне — будто он не расточал тепла попусту, а давал его ровно тем, кто его заслужил. Тем, кто старается на благо команды, и кто верен своему делу. Именно таким был Михаил Юрьевич — глава лагерного спортивного кружка.

Калина машинально коснулась груди, проверяя — блокнот Мирославы всё ещё на месте. Тонкая тетрадь будто жила своей жизнью, пульсировала вместе с её сердцем. Может, именно там ответы? Или ещё больше вопросов?..

Где-то далеко, в лесу, что-то глухо скрипнуло, как будто дерево сломалось само по себе.

Глава 6

— Для начала, разбейтесь в группы по три-четыре человека, — начал Михаил Юрьевич, продолжая что-то записывать в блокнот.

Калина тут же крепко взяла Рому за руку и подошла к Нине.

— Будешь в нашей команде? — уверенно спросила она.

Нина утвердительно кивнула, будто и сама надеялась оказаться рядом с друзьями. Хоть девочка и могла легко найти общий язык с кем угодно и всегда блистала своими знаниями на уроках, быть в больших компаниях ей не очень нравилось. Она считала, что лучше всего выполнит задачу, если будет одна или на крайний случай с кем-то из близких, поэтому остальным доверяла мало. Часто случалось, что даже после большой групповой работы Нина украдкой проверяла выполненное задание за остальными участниками, боясь, что кто-то допустил ошибку.

— Я рада, что мы вместе! — смущённо улыбнулась Нина.

— Ай, опять с девчонками работать. — Рома закатил глаза и скрестил руки. Но даже так было ясно, что это всего лишь наигранные жесты. В глубине души он был рад выполнять задания с подругами. Тем более, как единственный парень, он легко сможет стать их защитником и лидером.

Калина грубо толкнула его в плечо.

— У нас серьёзная миссия, — шепнула она. — Мы с вами не просто в поход играть будем.

— Правда?.. — Нина слегка напряглась, уставившись на подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.